

Уолтер Дж. Чишек

ОН ВЕДЁТ МЕНЯ

Уолтер Дж. Чишек

Он ведёт меня

«ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ»

Чишек У.

Он ведёт меня / У. Чишек — «ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ»,

Эта книга является второй частью воспоминаний отца иезуита Уолтера Дж. Чишека о своем опыте в России во время Советского Союза. Через него автор ведет читателя в глубокое размышление о христианской жизни. Его переживания и страдания в очень сложных обстоятельствах, помогут читателю углубить свою веру.

© Чишек У.

© «ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ»

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	13
Глава третья	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Уолтер Дж. Чишек
При содействии Дэниэла Л. Флэггерти
Он ведёт меня

*Господь – Пастырь мой;
я ни в чем не буду нуждаться:
Он покоит меня на злачных пажитях
и водит меня к водам тихим.
Если я пойду и долиною смертной тени,
не убоюсь зла,
потому что Ты со мной;
Твой жезл и Твой посох —
они успокаивают меня.*

*Моим русским друзьям
Николаю,
Андрею,
Ивану,
Альберту,
Георгию,
Владимиру,
Кате,
Виктору,
Екатерине
Да ведёт их Господь, как водил меня.*

*А также моей сестре Хелен Гиархарт и моему дорогому другу
отцу Едварду Макколи, S.J., которых Он уже ведёт.*

© Институт св. Фомы, 2016

Пролог

12 октября 1963 г. я приземлился в нью-йоркском аэропорту Айдлуалд, проведя неполных двадцать три года в Советском Союзе, в основном в тюрьмах или сибирских лагерях принудительных работ. Мои друзья и родственники, встречавшие меня в тот день, сказали, что с самолета компании ВОАС, рейс № 501, я сошел словно новый Колумб, готовящийся заново открыть Америку и начать жизнь свободного человека. Ничего подобного я не чувствовал. Я также не знал, что с 1947 г. я официально считался мертвым, и что мои собратья-иезуиты служили Мессе за упокой моей души, когда меня сочли погибшим в советских лагерях. Я испытывал только чувство благодарности Богу за то, что Он поддерживал меня все эти годы и, Своим Промыслом, привел наконец домой.

Вскоре после того, как в 1928 г. я покинул дом и семью в Шенандоа (Пенсильвания), чтобы вступить в Общество Иисуса, я вызвался участвовать в «русских миссиях». В 1929 г. Папа Пий XI написал письмо ко всем семинаристам, «особенно к нашим сынам-иезуитам», призывая некоторых из них поступить в новый Русский центр, открывающийся в Риме, где будут готовить молодых священнослужителей для возможного будущего служения в России. Там, готовясь к работе в России, я изучал богословие и научился служить Мессе восточного обряда. Но когда меня рукоположили, направлять священников в Россию уже не было никакой возможности, так что вместо этого меня направили в иезуитскую миссию восточного обряда в польском городке Альбертын.

Там и застала меня война, начавшаяся в сентябре 1939 г. Немецкая армия захватила Варшаву, а восток Польши и Альбертын были заняты красными. В суматохе этих вторжений я, вместе со множеством польских беженцев, направился в Россию. Переодетый в рабочего, я сопровождал их в надежде послужить им в духовных нуждах. Но мне не удалось обмануть советские Органы¹. Как только в 1941 г. Германия напала на Россию, НКВД арестовал меня и посадил в тюрьму.

Меня отвезли на поезде в ужасную московскую тюрьму Лубянка, где допрашивали как «шпиона Ватикана». Все военные годы я провел в этом учреждении, где меня периодически, подчас довольно интенсивно, допрашивал НКВД. Затем, проведя там пять лет, я был приговорен к пятнадцати годам принудительного труда в трудовых лагерях Сибири. Вместе с тысячами других людей я работал в трудовых бригадах – на стройках, где приходилось трудиться в условиях арктического холода, или на добыче угля и меди. Мы были плохо одеты, плохо ели и жили в деревянных бараках, окруженных колючей проволокой и «запретной зоной»². В этих лагерях люди умирали, особенно те, кто терял надежду. Но я уповал на Бога, никогда не чувствовал себя оставленным и не утрачивал надежду, и – как и многие другие – выжил. То, что я выжил, никогда не казалось мне чем-то особенным или необычным, однако я был благодарен Богу за то, что все эти годы Он хранил и поддерживал меня.

Когда мой срок наконец истек, меня не освободили полностью. Поскольку у меня была «судимость» по обвинению в шпионаже, я не мог даже уехать из Сибири в центральные города

¹ Органы госбезопасности. Система учреждений, обеспечивающих безопасность государства: осуществляющих разведку и контрразведку, а также репрессивные функции внутри страны. В СССР Органы в разное время назывались ГПУ, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МВД, МГБ, КГБ. (Прим. пер. По материалам «Справочника по ГУЛагу» Ж. Росси. *Overseas Publications Interchange Ltd, London 1987*, и *Толкового словаря русского языка конца XX века. СПб, 1998*).

² Запретная зона, или запретка – расчищенная полоса, пролегающая с каждой стороны лагерного заграждения. Запретная зона систематически прочесывалась граблями, чтобы был виден каждый след. Снежный покров делал это излишним. Запретная зона обозначалась колючей проволокой, а иногда просто табличками с надписью «запретная зона». Часовые открывали огонь по каждому, кто пытался туда проникнуть. (Прим. пер. По материалам «Справочника по ГУЛагу» Ж. Росси. *Overseas Publications Interchange Ltd, London 1987*).

России, не говоря уже о том, чтобы покинуть страну. Поэтому я жил в сибирских городах и деревнях, работая, среди прочего, автомехаником, пока в 1963 г. благодаря усилиям родственников и друзей, а также помощи Государственного департамента США меня не обменяли наконец на двух осужденных русских шпионов. Когда я вернулся, мои настоятели и несколько издателей убедили меня, что история тех лет, которые я провел в Советском Союзе, в то время как на родине меня считали мертвым, представляет немалый общественный интерес. Поэтому я согласился рассказать эту историю, что и сделал в книге «В России с Богом».

И все же, если быть честным, это была не та книга, которую мне хотелось написать. Я чувствовал, что эти годы невзгод и страданий научили меня многому, что могло бы пригодиться в жизни и другим. Ведь страдания выпадают на долю каждого человека, каждый из нас иногда бывает близок к отчаянию, каждому порой хочется спросить, почему Бог позволяет злу и страданию обрушиваться на него или тех, кого он любит. В лагерях и тюрьмах я видел много страдания в окружающих, почти отчаялся сам и в эти самые черные часы научился обращаться за утешением к Богу и уповать на Него одного.

«Как Вам удалось выжить?» – вот вопрос, который чаще всего задавали мне журналисты и другие люди с тех пор, как я вернулся домой. Я всегда отвечал одинаково: «Промысел Божий». И все же я знал, что это простое утверждение не может удовлетворить их интерес или хоть отдаленно передать все то, что я хочу сказать этим. Многие годы одиночества и страданий Бог вел меня к пониманию жизни и Его любви, чья глубина известна лишь тем, кто испытал ее. Он лишил меня множества внешних утешений, физических и религиозных, на которые обычно уповают люди, и оставил мне лишь некое ядро простых, на первый взгляд, истин: лишь они и вели меня за собой. И все же какое огромное значение имели они для моей жизни, какую силу давали мне, какое мужество идти вперед! И я захотел рассказать о них другим; я чувствовал даже, что Господь в Своем Промысле сохранил меня и вернул домой во многом именно для того, чтобы я помог другим немного лучше понять эти истины.

Поэтому даже на страницах своей первой книги, «В России с Богом», я старался хотя бы немного рассказать о том, что, как я знал и чувствовал, мне следовало рассказать, чтобы дать читателю хоть какое-то представление об истинах, которые вели и поддерживали меня. Я знал, что на страницах этой книги не смог сделать это должным образом: задачи книги накладывали на меня определенные ограничения, – но меня утешало множество поступавших ко мне писем и личных просьб о духовном наставничестве, свидетельствующих о том, что некоторым образом читатели этой истории прочли между строк гораздо больше, чем я смог сказать. Я уже знал, что когда-нибудь должен буду написать эту книгу.

Однако я знал, что не справлюсь с этим сам. Какие бы важные причины ни побуждали меня к этому, как бы сильно ни было мое желание проделать эту работу, я слишком хорошо понимал, что мой ограниченный писательский дар не соответствует стоящей передо мной задаче. Я никогда не считал и не буду считать себя писателем. Однако мысль о том, *что* я должен передать, *чем* должен поделиться с другими, так занимала меня, что после двух лет нерешительности, я вновь обратился к отцу Дэниэлу Л. Флэгерти, S.J., который очень помог мне в работе над первой книгой, и рассказал ему об идеях и мечтах, связанных с новой книгой. Для меня он не просто сотрудник или замечательный редактор: за несколько лет нашего знакомства и сотрудничества он стал одним из ближайших моих друзей, почти частью моей души. Если бы он отказал мне, я думаю, я тут же раз и навсегда перестал бы и помышлять о писательстве. Но он не отказал. Он согласился вновь помогать мне, и его поддержка вдохновила меня на новые свершения.

Однако оказалось, что эту книгу писать гораздо труднее, и мне потребовалось очень много времени, чтобы выразить словами то, что я чувствовал и хотел сказать. Но еще больше времени порой требовалось Дэну чтобы понять меня, поскольку одному человеку трудно до конца ухватить мысль другого и письменно выразить то, что им движет. Однако некоторым

образом, благодаря Божьей помощи, молитвам множества друзей и терпению Дэна, книга наконец обрела законченный вид и, даст Бог, после долгих месяцев работы наконец появится в печати. И теперь, когда она завершена, я могу лишь надеяться, что она окажется полезной тем, кто прочтет ее, – и молиться об этом.

Если мои надежды оправдаются, я хотел бы, пользуясь случаем, выразить свою глубокую благодарность всем, кто помогал мне справиться с этой задачей – поддерживая меня молитвой, а также морально и материально, – в то время как я опасался, что мне придется биться над ней в одиночку. Думаю, не нужно объяснять, как я обязан Дэну, отдавшему столько времени и сил тому делу, которое – я чувствовал – должно было свершиться. Я также в долгу перед отцом Джоном Б. Эмбергом, S.J., позволившим мне более полугодом провести в Доме св. Петра Канизия, иезуитском писательском доме в Эванстоне при издательстве Лойола Университи Пресс, где я смог всерьез посвятить себя подготовке окончательного варианта этой рукописи. Я столь же обязан и всем членам общины Дома св. Петра Канизия за их терпение и духовную близость, которая сделала мое пребывание там исключительно приятным и плодотворным. Это время я не забуду никогда. Разумеется, я глубоко благодарен и членам общины Центра восточных исследований им. Иоанна XXIII при Фордемском университете, к которой принадлежу сам. Они позволили мне отсутствовать в общине более шести месяцев и посвятить все свое время созданию книги, взяв на себя все те обязанности, которые были бы возложены на меня как на активного члена общины, если бы я остался дома. Я также искренне благодарен Мэри Хелен О'Нил за тот щедрый вклад, который она внесла в длительный и сложный процесс создания этой книги. Наконец, я хочу поблагодарить всех, чьи имена я не назвал, за любую помощь, большую или малую, которую они оказывали мне во время работы над книгой. С молитвой и наилучшими пожеланиями,

Уолтер Дж. Чишек, S.J.
Дом св. Петра Канизия
31 июля 1972 г.,
в день св. Игнатия Лойолы

Глава первая Альбертын

«Красные здесь. Они заняли город. Советские пришли».

Эта новость волной смятения охватила польский городок Альбертын 17 октября 1939 г. В то памятное утро я едва успел отслужить Мессу и позавтракать, когда сбитые с толку прихожане пришли в нашу миссию, чтобы поведать мне новость. Этой новости мы боялись с тех пор, как стало ясно, что Германия и Россия делят Польшу между собой. Но теперь наш страх стал реальностью. Красные были в Альбертыне.

Прихожане, один за другим, толпясь, приходили в миссионерский дом, чтобы узнать мое мнение, спросить совета, услышать хоть слово надежды или утешения. Они боялись за родных. Они боялись за своих сыновей в польской армии и за мужей в правительстве. Они беспокоились за детей и за их будущее. Я пытался их обнадежить, но что, в сущности, я мог им сказать? У меня не было ответов на их насущные, животрепещущие вопросы, и как мог я дать им надежду на будущее или утешить их в такой суматохе, охватившей весь город? Что мог я сказать им, м того, что нужно молиться и уповать на Бога?

Но даже здесь я чувствовал себя глупо. Я провел с ними чуть больше года. Я был священником чуть больше двух лет. Каким же незрелым и неопытным почувствовал я себя в ситуации этого великого и неожиданного потрясения! Находя поддержку в обычных делах приходского священника, я служил этим людям в их повседневных нуждах, помогал им, утешал их, служил Мессу, носил причастие больным, соборовал умирающих. У меня появилось здесь много друзей, и, пусть я был молод, они доверяли мне – молодому американцу, живущему среди них. Но война изменила все. Потрясение, с которым они столкнулись теперь, не было семейной ссорой, болезнью или потерей любимого человека. Совет, в котором они нуждались, не касался тех вещей, которые происходят в каждом приходе и которым обучается каждый священник.

Трудно описать то чувство, которое испытывает человек в такую минуту. Чувство, что за одно мгновение все внезапно переменялось и уже ничто и никогда не будет таким, как прежде. Что завтрашний день никогда уже не будет похож на вчерашний. Что деревья, трава, воздух, солнечный свет – все будет теперь другим, потому что мир стал другим. Это чувство невозможно описать, и все же его знает каждая жена, потерявшая мужа, каждый ребенок, впервые вкушивший зло или испытывавший неожиданный жизненный перелом. Это то чувство, когда сердце говорит: «О, если бы можно было перевести часы назад, о, если бы этого никогда не случилось, о, если бы можно было вернуться и сделать все заново!»

В то утро мои страхи были туманными, хотя чувство беспомощности было реальным. Да и сами страхи вскоре перестали быть туманными и сделались тоже вполне реальными. Сразу после прихода красных начались аресты и конфискация имущества. Последовали бесконечные допросы, угрозы, устрашения, ибо коммунисты старались отловить каждого, в ком видели угрозу себе или своему новому строю.

При этом Церковь стала особой мишенью их агрессии. Церковь восточного обряда при нашей миссии закрыли сразу; приход латинского обряда еще некоторое время был открыт для тех немногих семей, которые осмеливались туда приходить. Остальные здания нашей миссии отобрали красные и расквартировали в них своих солдат. Была развернута пропаганда против Церкви и священнослужителей; мы трудились в условиях постоянного организованного притеснения, а также непрекращающихся крупных и мелких столкновений. Их кампания была плодотворной. Даже самые верные стали остерегаться ходить в церковь и посещать священников. Молодые люди отошли от Церкви быстро. Трудящиеся вскоре поняли, что могут потерять работу, если будут продолжать ходить на богослужения. Деятельность священнослужителей

была строго ограничена храмом; мы не могли пойти к людям, если они не шли к нам сами. А на это решались немногие. Вскоре наше служение полностью свелось к отправлению воскресной Мессы для кучки стариков. Иезуитская миссия, десять лет процветавшая в Альбертыне, была уничтожена за несколько недель.

Снова и снова, глядя на все это, я вынужден был заставлять себя не задаваться вопросом, который, как непрошенный гость, вновь и вновь приходил мне на ум: почему Бог допустил это? Зачем эти преследования? Если Бог должен допускать стихийные бедствия и даже войны из-за падений человечества, почему Он хотя бы не позволит, чтобы во времена этих бедствий кто-то мог пасти и утешать Его народ? Ведь мог же Он защитить и оградить свой народ, вместо того чтобы делать его мишенью такой атаки! Недоумение и боль росли во мне при виде того, как видимая Церковь, некогда сильная и хорошо организованная, рушится под натиском этих захватчиков, а люди, непрерывно понуждаемые к принятию нового строя, все больше от нее отчуждаются. А что сказать о молодых, которых буквально отрывали от родителей, заставляя вступать в пионерскую организацию или Комсомол и уча доносить на собственных родственников-стариков за любое отклонение от генеральной идеологической линии? Страшно было слышать, как коммунисты в своей пропаганде открыто поносят Церковь, священников и монашествующих, и знать, что каждый день в школе на уроках дети вынуждены повторять и заучивать атеистические доктрины. Как мог Бог допустить все это? И почему?

Я не винил людей. Я знал, что веру они не утратили, просто боятся сейчас признавать ее открыто. Они приходили ко мне по ночам, чтобы спросить, как им теперь вести себя, следует ли сотрудничать с новым строем, позволять ли детям вступать в Комсомол, вступать ли в профсоюзы. Наконец, они приходили спросить, будет ли неправильным в подобных обстоятельствах не посещать церковь по воскресеньям и праздникам. Что я мог сказать им? Какого героизма был вправе от них требовать? Чего ожидал Бог, допустивший все это, от простых, обыкновенных людей, живущих в лесной глуши Альбертына?

Для меня, как священника, было мучительно задавать такие вопросы, но не задавать их я не мог. Они заполняли мой ум во время молитвы, они приходили во время Мессы, одолевали меня днем и ночью. И знаю точно, что не меня одного. Это не был кризис веры – не больше, чем у любого, кто, пережив великую утрату или столкнувшись с семейным горем, задается подобными вопросами. Скорее, это был кризис понимания, и никто не должен стыдиться подобных переживаний. Эти вопросы знакомы каждому, кому приходилось много читать Ветхий Завет. «Доколе, О Господи, доколе Ты будешь позволять врагам нашим торжествовать над нами?». Вопрос этот звучит снова и снова, особенно в дни после Давида, в эпоху пленения, когда слава золотого века Соломона стала лишь воспоминанием при реках Вавилона, а Израиль был сокрушен и с позором уведен в плен. Конечно, Израилю это казалось концом света, концом Завета, концом заботы Бога о Его избранном народе.

И все же, глядя на эти события со своей исторической перспективы, мы понимаем, что все было как раз наоборот. Несчастья Израиля были в действительности особым явлением Промысла Божия, проявлением Его исключительной любви к избранному народу. Как нежный, любящий отец, Он старался освободить Свой народ от упования на царей и князей, на войска и силы этого мира. Вновь и вновь Он старался научить их верить в Него одного. Сквозь все века и испытания Он вел их к осознанию того, что только Бог верен в любом несчастье, что только Бог неизменен в Своей любви и лишь на Бога нужно надеяться, даже когда кажется, что все остальное перевернулось вверх дном. Ягве и ныне – Господь всех событий и явлений этого мира; в этих событиях и явлениях можно найти Бога, и мы должны искать Его в них, дабы исполнилась Его воля. Это Он избрал их – не они Его. Это Он первым заключил с ними Завет, вел их и заботился о них, пас их, питал и охранял во всех испытаниях. Их же доля в Завете – уповать на Него одного, хранить Ему верность, устремляться к Нему, а не к другим богам, надеяться на Него, а не на правителей, стрелков и колесницы. Он всегда был им верен, потому

и они должны быть Ему верны, даже когда Он ведет их туда, куда они не желают идти, в землю, которой они не знают, или в изгнание. Ибо Он избрал их, они Его народ, Он не забудет их, как мать не забудет дитя чрева своего – но и они не должны забывать Его.

Это нелегкий урок. И весь Ветхий Завет – это летопись того, как в разные века, разными путями Господь старался преподать этот урок Своему избранному народу. Но это также свидетельство того, как часто во времена мира и процветания Израиль начинал воспринимать любовь Ягве как должное, привыкать к обыденности, принимать свой статус-кво как самое важное в жизни, видеть свою поддержку и опору в привычном порядке вещей и забывать о своей главной цели и предназначении, о том, что он – народ Завета. Тогда Ягве – падением царства, изгнанием или разрушением Иерусалима – вновь напоминал им, что только Он должен быть их главной надеждой, их единственной опорой, ибо Он избрал их из всех народов мира как знамение Своей любви и могущества, и они должны свидетельствовать о Нем всему миру, уповая на Него одного.

Тот же урок, будь он труден или легок, должен усвоить каждый. Как легко во времена покоя впасть в зависимость от повседневных дел, от привычного порядка вещей и от сиюминутного существования, которое увлекает нас за собой. Все кажется нам самоочевидным, мы начинаем полагаться на самих себя, на собственные силы, «обустраиваться» в этом мире, видя в нем свою опору. Мы слишком легко начинаем отождествлять покой с ощущением благополучия, искать успокоения исключительно в ощущении удобства. Нас окружают друзья и вещи, один день сменяется другим, мы в целом здоровы и счастливы. Необязательно желать слишком многих благ этого мира – например, быть жадным, алчным, или влюбленным в богатство, – чтобы обрести это ощущение удобства и благополучия и начать воспринимать присутствие Бога как должное. Мы полагаемся на существующее положение вещей, день за днем несущее нас по течению, и постепенно начинаем терять из виду ту истину, что за всем этим и над всем этим стоит Господь, который хранит и поддерживает нас. Мы живем как живется, нам кажется очевидным, что завтрашний день будет похож на вчерашний, нам удобно в мире, который мы сами для себя создали, и обычный порядок вещей внушает нам спокойствие: пусть он и не совершенен, но мы к нему привыкли, – и мы весьма мало задумываемся о Боге.

Тогда Бог должен каким-то образом прорваться сквозь нашу повседневность и вновь напомнить нам, как напоминал Израилю, что, в конечном счете, мы зависим только от Него, что Он сотворил нас, чтобы мы жили с Ним вечно, что явления этого мира не вечны и не этот мир – наш вечный град, что мы принадлежим Ему и во всем должны надеяться на Него и обращаться к Нему. Наверно, именно тогда он позволяет всему миру перевернуться с ног на голову, чтобы напомнить нам, что не здесь наше вечное пристанище и наш последний удел, чтобы привести нас в чувства и упорядочить нашу систему ценностей, чтобы вновь обратить наши помыслы к Себе – пусть даже в начале эти помыслы полны недоумения и упреков. Именно тогда Он должен – с ужасающей ясностью – вновь напоминать нам, что именно Он хотел сказать в Нагорной Проповеди такими, на первый взгляд, простыми словами: «Не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? Ищите же прежде Царства Божия и правды Его».

Так было с народом Израиля, который должен был научиться не уповать на царей и царства, но быть верным одному лишь Ягве, как Он был всегда верен Своему народу, и уповать на Него одного. Так было и на протяжении всей новозаветной истории. В самой Церкви также случались перемены и перевороты; бывали и преследования. Опора Церкви – не государи и правители, не системы и организации. Ее опора – Бог. Так должно было случиться и в Альбертыне. Бог будет неизменен в Своей любви, если мы будем просто надеяться на Него; Бог укрепит нас в любую бурю, если мы будем просто взывать к Нему; Он спасет нас, если мы просто протянем к Нему руки. Он здесь, мы же должны лишь обратиться к Нему и научиться уповать на Него одного. Потрясения этого мира – даже самой Церкви – еще не конец всему, в особенности же – Его любви. Напротив, они могут стать лучшими знаменами, напоминаю-

щими нам о Его любви и верности, заставляющими нас вновь обратиться к Нему, вновь прильнуть к Нему, когда все, на что мы полагались, низвергнуто.

Так происходит и в жизни каждого. То, что за удобной обыденностью нашего повседневного существования мы не видим Бога и не думаем о Нем, – печальное доказательство нашей человеческой слабости. И только во времена потрясений мы вспоминаем о Нем и обращаемся к Нему, часто как недовольные и недоумевающие дети. Лишь в моменты утраты, семейного горя и безысходности люди наконец взывают к Нему, вопрошая «почему», когда у них уже нет иного выхода, кроме как вновь обратиться к Нему, прося помощи, поддержки и утешения. Непостижимым образом Бог в Своем Промысле использует наши несчастья для того, чтобы напоминать нашей греховной человеческой природе о Своем присутствии и любви, о том, что Он верен нам и заботится о нас. Это не мстительность: Он не обрушивает на нас несчастья, чтобы наказать нас за то, что мы так долго забывали о Нем. Это наша собственная слабость. Он всегда с нами и всегда верен нам; это мы не умеем видеть Его и искать Его во времена беспечности и покоя, забывая о том, что Он с нами, что Он пасет и охраняет нас и что именно Он дает нам те самые вещи, на которые мы постепенно начинаем уповать и в которых ищем опоры. Один день сменяется другим, нам удобен привычный ход вещей, и мы забываем об этом.

Так было и в Альбертыне, когда война разодрала на куски ткань нашей – в том числе и моей – некогда мирной жизни, и я на каком-то очень простом уровне начал понимать эту истину во всей ее ужасающей простоте: «Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его». Мы выживем, хотя мир вокруг нас изменится полностью. Мы будем продолжать свой путь – сегодня, завтра и послезавтра, – собирая обломки и день за днем приближаясь к нашей вечной цели, к нашему спасению. Наступит завтрашний день, и нам придется в нем жить – и Бог тоже будет там с нами. Церковь выживет – хоть и не будет в точности такой, какой мы знали ее во время миссии, – потому что выживет вера в народе Божиим, как выживала всегда во времена гонений. И среди всех этих кажущихся бедствий и потрясений по-настоящему нас должно заботить только одно: оставаться верными Богу и во всем полагаться на Него, будучи уверенными в Его верности и любви, зная, что этот мир и этот новый строй, равно как и прежний, не есть наш вечный град, и всегда стремясь познавать Его волю и исполнять ее во всякий день нашей жизни.

Глава вторая

Решение ехать в Россию

Однажды вечером в сумятице, царившей теперь в Альбертыне, как гром среди ясного неба, откуда ни возьмись появился отец Макар. Макар, озорной грузин с длинными волнистыми волосами, горбатым носом и горящими черными глазами, когда-то, до войны, учился вместе со мной в Русской коллегии в Риме и был моим верным товарищем. Теперь наш настоятель послал его во Львов, чтобы сказать, что в сложившихся обстоятельствах епископ решил временно закрыть миссию восточного обряда в Альбертыне. Наша встреча в этом потрясенном войной городке была теплой. Отец Макар, обхватив руками мою шею, обнял меня что есть мочи и трижды, по-европейски, поцеловал меня. Я ответил ему столь же тепло и сердечно.

Но Макар приехал не только для того, чтобы известить о закрытии нашей миссии. Он вызвался передать нам эту весть, потому что хотел выяснить, не хочу ли я поехать в Россию. Он рассказал мне, что он и отец Виктор Нестров, еще один мой товарищ по Руссикуму, обсуждали с настоятелями возможность сопровождать рабочие бригады, направляющиеся в Советский Союз, служа им в их нуждах. План был довольно прост. Советские нанимали большое количество людей на оккупированных территориях для работы на русских заводах на Урале. Они также арестовывали различных подозреваемых и отправляли их в уральские лагеря принудительных работ. Макар и Нестров хотели попросту пересечь русскую границу вместе с этими рабочими. Но они знали, что с ними захочу поехать и я. Наши римские товарищи по учебе дали нам кличку «три мушкетера». Еще в то время они подшучивали над нами за то, что мы постоянно говорили о своём желании поехать в Россию, – и именно эту мысль принес мне отец Макар вместе с известием о том, что епископ закрывает миссию восточного обряда в Альбертыне.

Когда Макар заговорил о поездке в Россию, у меня перехватило дух. Я был так взволнован, так переполнен глубокой внутренней радостью, что мне пришлось сдерживать свои чувства, чтобы не выглядеть смешным. Если я не сдержусь, подумал я, то поведу себя глупо. Я был так счастлив, что едва мог говорить. И все-таки, даже в этот миг восторга и радости, я знал, что отвечу. Я не испытывал ни сомнений, ни страхов, ни нерешительности. Я знал, что мне надо делать теперь, чего я желал всю жизнь и зачем Промысел Божий привел меня в Альбертын.

И не только в Альбертын. Казалось, вся моя жизнь в замысле Божиим вела именно к этой минуте. Я хорошо помнил тот далекий день моего второго года в новициате св. Андрея в штате Нью-Йорк, когда наш наставник новициев прочел нам письмо Павла XI, в котором Папа призывал добровольцев к участию в новой русской миссии, только что учрежденной в Риме. Он еще не дочитал, когда что-то во мне всколыхнулось. Я не мог дождаться конца собрания, чтобы подойти к наставнику новициев и вызваться участвовать в этом новом апостольском служении в России. Я помню, как сказал ему: «Отец! Когда вы сейчас читали письмо Папы, мне показалось, будто сам Бог призывает меня. Я понял, что должен принять участие в этой миссии. Я знал это с самого начала, и, пока Вы читали, это ощущение росло, пока я наконец не почувствовал полной уверенности в том, что Бог призывает меня, что Россия – мой удел в замысле Божиим. Я знаю – я твердо верю! – что Бог хочет, чтобы я был там, и я там буду».

Разумеется, наставник новициев скептически отнесся к подобному энтузиазму со стороны юного послушника. И все же чувство, что я призван в Россию, никогда не покидало меня. Я никогда не считал его иллюзией, и оно сказывалось на каждой минуте моей жизни. Это было нечто неуловимое. Иногда я сознательно помнил об этом, иногда это бессознательно влияло на мои поступки. Но это было нечто очень реальное. Для меня это было тем же, чем, должно быть, был для патриарха Авраама призыв Бога оставить своих близких в Уре Халдейском и

отправиться в землю, которую укажет ему Господь. Благодаря этому я смог покинуть семью и друзей, оставить в Соединенных Штатах своих товарищей-иезуитов и отправиться в Рим учиться в Руссикуме. В последующие годы мне было довольно тоскливо и одиноко. Когда я учился в Риме, умер мой отец, и я не смог приехать на его похороны. Когда наконец пришло время рукоположения, никто из моих родных не имел средств, чтобы приехать ко мне в Рим. И все же все за эти годы я ни разу не поколебался в своей уверенности, что Бог призвал меня к служению в России; я ни на минуту не усомнился, что однажды буду там служить.

Поэтому, когда вскоре после рукоположения мне сказали, что в данный момент направлять миссионеров в Россию не представляется возможным, я испытал одно из величайших разочарований своей жизни. Вместо России меня направили в миссию восточного обряда в Альбертыне. Я был горько разочарован: все, ради чего я стольким пожертвовал, ради чего учился, о чем мечтал, к чему готовился, оказалось невозможным. Но даже тогда, в момент величайшего разочарования, я ни на миг не усомнился, что воля Божия в том, чтобы однажды я был в России. И вот Макар спрашивает меня, готов ли я вместе с ним и с отцом Нестровым перейти Российскую границу! Когда я успокоился настолько, что мог позволить себе говорить, я почти вскричал: «Еще бы! Мы отправимся вместе. Весной мы будем в России!»

Я ликовал, и в таком настроении для меня не могло быть лучшего товарища, чем беспечный грузин Макар. Мы говорили и говорили. Замыслы, о которых он говорил, были и моими замыслами. Мы говорили о том, каким удивительным, таинственным образом действует Промысел Божий. Русские войска захватили Польшу и миссию в Альбертыне, то есть в некотором смысле я уже находился в России. Русские пришли ко мне, так что же может помешать мне отправиться к ним, пусть даже я должен для этого пересечь границу, закрытую для священников? И разве решение епископа закрыть миссию восточного обряда в Альбертыне не освобождает меня от обязанности оставаться здесь дольше? Беженцам в Россию требовались священники; пересечь с ними границу казалось делом несложным; здесь же нашему служению мешали красные – перст Божий присутствовал во всем этом настолько явно, что Божия воля казалась очевидной.

Несмотря на возбуждение, я чувствовал, что настал миг величайшей важности. Это был поворотный момент, начало нового пути, которое изменит все мое будущее. И в то же время случилось именно то, чего я всегда желал, на что надеялся, о чем мечтал с того самого дня в новициате св. Андрея. Никогда еще я не был так уверен, что это и есть воля Божия. И счастливо обсуждая с Макаром планы на будущее, я вновь почувствовал в глубине ту великую радость, тот глубокий внутренний покой, ту твердую уверенность, какие ощутил в тот далекий день много лет назад, впервые услышав призыв к апостольству в России.

Однако все оказалось не так-то просто. На следующее утро меня буквально затопили сомнения. Не позволил ли я своей давней мечте увлечь меня, возобладав над здравым смыслом? Могу ли я быть столь уверенным в воле Божией? Не потому ли я вижу в этой ситуации «знамение» Божие, что хочу его видеть? А может быть, я просто иду на поводу у собственных желаний, называя их волей Божией? То, что я тогда переживал, знакомо каждому, кому когда-либо приходилось бороться с собственной совестью, не зная, как поступить. Любому юноше, любой девушке, ощутившим призвание и усомнившимся в подлинности услышанного призыва, знакома эта борьба с сомнениями; им известно, как сильны могут быть доводы против.

Голова кипит от аргументов и рассуждений. Ее переполняют мысли о нынешних и будущих обязательствах перед родными и друзьями, о благе, которое можно принести, оставшись дома, и других возможностях послужить Богу и человеку, сомнения относительно мотивов, склоняющих разум то в одну, то в другую сторону, неуверенность в своей способности следовать такому призыванию (и даже в призывании как таковом), туманный страх перед будущим и очень реальный страх совершить ошибку здесь и сейчас: знаешь, что нужно что-то решать, и в то же время понимаешь, что решить – значит взять на себя обязательство, от которого уже нет

пути назад, обязательство, которое изменит весь ход твоей жизни. Человек, которому предложили новую, быть может, лучшую работу, женщина, которой сделали предложение, родители, планирующие переезд, подросток, размышляющий о своем будущем в меняющемся мире – все они знают тот беспокойный поток страхов и сомнений, ту борьбу вопросов и ответов, которые могут встревожить ум и парализовать волю в подобной ситуации.

Так было тогда и со мной. Но больше всего мой пыл сдерживал следующий вопрос: не бегу ли я от своих обязательств перед прихожанами Альбертына? Не тот ли я наемник, который бежит, оставляя овец без присмотра в минуту опасности? Да, епископ закрывал миссию восточного обряда. Но оставался еще латинский приход. Люди, особенно старики, храбро встречая гонения, продолжали ходить на Мессу. Разве мог я оказаться менее мужественным? Не первая ли обязанность священника оставаться со своей паствой в любой ситуации, особенно в опасности? До конца ли я уверен, что Бог хочет, чтобы я поехал в Россию? Разве не устроил Он так, что я и без того уже нахожусь, можно сказать, в России? Можно ли и вправду поверить, что Бог хочет, чтобы я променял эту совершенно реальную ситуацию, эти совершенно реальные нужды Его народа в Альбертыне на погоню за чем-то призрачным в незнакомой стране, среди людей, которые никогда не звали меня и не искали моей помощи? Как могу я быть настолько уверен в Божией воле?

Эти вопросы и доводы терзали меня. Они были обоснованными как с логической, так и с духовной точки зрения. Я знал, что это не просто рационалистические объяснения. Разум прибегает к рационалистическим объяснениям для того, чтобы оправдать решение, принятое без достаточных на то оснований, или поступок, уже заранее избранный волей. Вот почему подобные рационалистические объяснения так часто подозрительны, вот почему всегда нужно так тщательно анализировать свои мотивы. Но мои доводы были как раз аргументами *против* того, что я желал совершить, мои вопросы были основаны на фактах, на действительности, и для моих сомнений имелись веские основания. Всякий, кому приходилось выбирать между призванием и семьей, между неким замыслом, некой мечтой о будущем и реальными требованиями настоящего, поймет сколь серьезная дилемма встала передо мной тогда. Должно быть, вся сила подобных доводов была известна Аврааму, которого Бог призывал оставить все, что он знал и любил, и отправиться в незнакомую страну, уповая лишь на смутное обетование. И потом, когда Бог призвал его пожертвовать своим сыном Исааком – самым воплощением этого обетования, – как мог Авраам быть уверенным в воле Божией? Как вообще хоть кто-нибудь может быть в ней уверен?

Я хорошо помню этот кризис. Прежде я никогда не сомневался: воля Божия в том, чтобы я поехал в Россию. С того дня, как я впервые услышал этот призыв, убежденность эта составляла стержень моей жизни. Эта вера, эта абсолютная уверенность в Промысле Божиим поддерживала меня в любых трудностях, помогала справиться с любыми разочарованиями. Я мечтал об этом, надеялся и уповал на это, отдавался этому, находил в этом утешение – а теперь встал перед духовной дилеммой. Действительно ли я так уверен, что Бог этого хочет? Уверен ли я хотя бы в том, что эта возможность попасть в Россию – именно то, чего Бог хочет от меня сейчас?

Я стал молиться. Но мой разум пребывал в таком смятении, мой рассудок был так занят взвешиванием аргументов за и против, что я не мог расслышать глас Божий. Я обсуждал это с отцом Макаром, а также с отцом Грыбовским, единственным священником из миссии, который остался бы в Альбертыне, если бы я уехал. Я говорил с прихожанами, умолявшими меня остаться. В конце концов я решил, что не могу покинуть Альбертын. Я не мог оставить церковь, которая во мне нуждалась. Я не мог оставить приход, чьи нужды знал так близко, не мог бежать от опасностей и гонений, следуя за смутными, во многом идеалистическими представлениями о будущем служении незнакомым людям в незнакомой стране. Бог, через моих

настоятелей, направил меня в Альбертын: по крайней мере в этом Его воля была несомненна. А потому я остаюсь в Альбертыне.

И все же едва я принял это решение – искреннее и основанное на твердом убеждении, – как вновь потерял покой. Я не чувствовал ни покоя, ни радости, ни облегчения от того, что разрешил наконец свою проблему. Молиться стало трудно, почти невозможно. Я чувствовал, что вера моя ослабла, что к этому решению я пришел, внимая голосу разума, а не Бога. Меня смущало чувство, что я разрушил нечто, на чем до сих пор строилась вся моя жизнь. Ибо это решение представляло собой разрыв с тем, как я всегда переживал и истолковывал действие Промысла Божия в своей жизни, с тем, как я всегда старался во всем искать волю Божию и следовать ей. Но главным была утрата того ощущения глубокого внутреннего покоя, того чувства радости и воодушевления, того сильного духа веры в участия Бога в моей жизни, которые до тех пор были неотъемлемой частью моей духовностью.

Итак, я пришел к тому, что должен еще раз пересмотреть свое решение остаться в Альбертыне. Я молился о том, чтобы, всецело открывшись Промыслу Божию, уповать только на Бога, о готовности подобно Аврааму последовать за Его призывом, куда бы он меня ни вел, отбросив все мысли о себе, все сомнения, все доводы моего собственного разума. Я хотел полностью раскрыться навстречу Божией воле, услышать глас Божий и отбросить свое «я». Так я молился о водительстве. И меня тут же вновь затопило ощущение покоя, чувство радости, доверие к той простой и непосредственной вере, которая выражается в уповании на Него одного. Теперь я знал, что я должен делать. Теперь я сам испытал то, что и прежде слышал от своих духовных наставников или читал в духовных книгах, но никогда не понимал до конца: что волю Божию можно распознать по плодам духа, которые она приносит, что душевный покой и радость сердца могут быть такими знамениями, если исходят из совершенной решимости следовать воле Божией и открытости Ему одному и не основаны на наших собственных желаниях. Что подлинность призвания – совершенно нового или к очередному повороту на уже избранном пути – можно проверить, прислушавшись к сопровождающим его движениям души. Что движения благодати Божией всегда следует воспринимать и понимать в силу веры, ибо в конечном счете любое таинственное проявление Его благодати распознается в свете веры, а не посредством разума или интеллекта.

Существуют движения души – столь глубокие, что их нельзя описать словами, и все же более могущественные, чем любые доводы разума, – которые способны показать человеку – столь убедительно, что у него не останется вопросов и сомнений, – что "*digitus Dei est hic* [это перст Божий]. Имя этого явления – благодать. Своей благодатью Бог вдохновляет людей, возносит ввысь их сердца, просвещает их разум, движет их волей. Для восприятия этого явления необходима вера, и все же оно совершенно реально. Никакая логика, никакие разумные объяснения богословов не смогут убедить тех, кто лишен дара веровать в это явление, и все же оно остается реальным. И, как бы мало ни стоило мое свидетельство, я могу свидетельствовать об этом. Только в решении отправиться в Россию я нашел радость и внутренний покой, которые являются знамениями подлинного Божественного вмешательства в человеческую душу. А потому выбор был сделан: я еду в Россию.

Глава третья

Россия

«Погляди-ка, Нестров, – сказал я, – посмотри на этот богатый чернозем. Ему же нет конца». И тут я вдруг закричал: «Ты видел указатель, который мы только что проехали?! Это же русская граница!» Я соскочил с деревянных нар товарного вагона и закричал всем, кто был внутри: «Мы в России!» Все в вагоне тут же вскочили, столпились у выхода и сквозь доски стены стали рассматривать указатель, который становился все меньше и меньше, по мере того как поезд медленно уходил вдаль. Несмотря на тесноту деревянного вагона все воспряли духом. Лица засветились. Пассажиры стали похлопывать друг друга по спине. Кто-то запел. Я же замолчал, впервые, в крайнем волнении, разглядывая богатую русскую почву. Через некоторое время я повернулся к отцу Нестрову и тихо сказал: «Ну, что я тебе говорил? Россия весной!» А потом добавил, словно только что вспомнил: «Сегодня же девятнадцатое марта, день св. Иосифа-работника».

Нестров и я посмотрели друг на друга в долгом молчании. Невозможно было предсказать, что готовит нам будущее, но, как бы то ни было, случилось наконец то, о чем мы так много лет мечтали, что так часто обсуждали в дни студенчества в Риме, что так тщательно планировали в минувшие месяцы во Львове. И пусть в этом товарном вагоне никто больше не знал о том, что мы священники. Мы сами это знали. Для них я был Владимир Липинский, поляк, чья семья погибла во время немецкого воздушного обстрела. Пересекая российскую границу, я испытал странное чувство радостного волнения и вместе с тем одиночества, чувство начала и конца. Даже почва казалась другой. Широкие просторы Украины с, казалось, безграничными полосами возделанной земли, мягко вздымались иногда покатыми холмами и пастбищами.

Воодушевление моих спутников было заразительно. Оно было вызвано множеством причин. Во-первых, это означало, что близится конец нашего путешествия в тесноте товарного вагона № 89725. В начале пути нас было двадцать пять человек, но по дороге на остановках в вагон набивалось все больше рабочих. Вдоль стен вагона стояло два ряда коек из нетесаных досок, на полу лежала солома, а под крышей был вентилятор. Вся прочая обстановка состояла из старого дырявого нефтяного бака, служившего нам печью, и помойного ведра, заменявшего туалет. Мы были наняты Леспромхозом, большим советским лесозаготовительным объединением, принимавшим людей для работ в районе Урала. Это предприятие искало дешевую рабочую силу, прежде всего, из числа беженцев с недавно захваченных Советской Армией земель. Вопросы задавали не много. Большинство пассажиров нашего вагона были евреями, бежавшими от нацистского наступления на Польшу. В поезде ехали целыми семьями: здесь были бабушки, дедушки, отцы, матери и дети. Покинув родные края, где из поколения в поколение жили их предки, они – как все беженцы – несли на себе все свое имущество в новую жизнь в чужой стране. В нашем тряском поезде, который все время то останавливался, то снова трогался в путь, длившийся более двух недель, они часами говорили о своих покинутых домах и новых надеждах. Мы вместе обсуждали те возможности, которые ждали нас на Урале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.